

К ВОПРОСУ МОДЕЛИРОВАНИЯ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В УЙГУРСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются актуальные для современного языкознания теоретические вопросы систематического описания простого предложения как центральной единицы синтаксического строя языка.

Синтаксический строй уйгурского языка является наименее исследованным участком грамматической системы данного языка. В этом есть свои минусы и свои плюсы. Отрицательное заключается в том, что этот коммуникативный уровень языковой системы остается мало исследованным, а позитив выражается в том, что приступая к неизученному синтаксическому участку в уйгуроведении, мы имеем возможность применять последние достижения синтаксической науки в других лингвистических традициях мирового языкознания.

Перед исследователями синтаксиса уйгурского языка стоит сейчас актуальная задача разработки принципов и приемов описания синтаксического строя этого языка, - описания, которое должно быть адекватным, экономичным и емким. Оно должно также выполняться в единой, согласованной системе понятий и терминов, чтобы обеспечить (и гарантировать) сопоставимость результатов, получаемых разными авторами на уйгурском материале, конкретном материале, ибо только так можно обеспечить сопоставимость самих результатов научных исследований.

Описание синтаксического строя языка предполагает описание синтаксических единиц, т.е. способов их построения, внутренней организации и синтаксической семантики. Важнейшей, первичной единицей синтаксиса является, конечно, предложение. Поэтому предлагаемая работа и посвящается обсуждению круга вопросов, связанных с этой проблемой. Этот вопрос о том, как следует подходить к описанию предложения, под каким углом зрения его рассматривать и описывать, на чем сосредоточивать основное внимание; какие понятия и термины использовать в качестве отправных и опорных – и как, в частности, обеспечивать терминологическую интраязыковую переводимость в случае расхождения понятийно-терминологических микросистем; как наглядно представлять в описании предложение как объект эмпирического исследования, т.е. не « предложении вообще», а конкретные предложения, - представлять так, чтобы их было удобно сравнивать и сопоставлять. Все это вопросы, над которыми мы должны интенсивно думать именно сейчас, потому что от того, как сумеем мы их решить, будет зависеть научная ценность общего результата.

Сейчас уже ни у кого не вызывает сомнений тот факт, что предложение как предмет лингвистики «многоаспектно», на него можно смотреть с точки зрения его семантики, его актуального членения, т.е. коммуникативной значимости с позиций прагматики; можно фиксировать внимание на его модусдиктумной природе, на вариативно-семантических рядах, в которые входят разные «образцы» предложений и мн.др. Но все-таки в основе всех этих подходов и взглядов на предложение лежит некоторое фундаментальное и относительно единое (хотя пока еще совсем не четкое) представление о нем как о двуединой знаковой сущности, соединяющей в себе определенную структурную организацию, т.е. форму, и некоторый специфический, именно синтаксический смысл, выражаемый через данную форму, т.е. ее содержание. Именно единством этих двух сторон и определяется предложение как знак языка или как языковая единица».

Слово «единица» имеет смысл постольку, поскольку она может быть противопоставлена другим единицам той же природы, вместе с которыми она составляет какое-то дискретное

множество (что такое «одна природа», устанавливаем мы сами, намечая значимые для нас признаки). За такими терминами, как фонема, морфема, лексема мы привыкли видеть, с одной стороны, общие понятия о классах единицы (что отражается в дефинициях), с другой – множества взаимно противопоставленных единиц соответствующего класса, свои для каждого языка, и третьи – каждую из единиц, составляющих данное множество – например, русскую фонему =х= или уйгурскую морфему отрицания =ма=.

Применительно к предложению это понимание приходит лишь в последние годы, по мере того, как мы яснее понимаем важность выявления «синтаксических единиц» в этом именно смысле. Но одновременно осознается их специфика по сравнению с уже привычными единицами языка – фонемой, морфемой, лексемой. Эта специфика состоит прежде всего в том, что предложение как единицу языка нельзя «непосредственно записать». Это выражение мы взяли в кавычки, потому что «на самом деле» непосредственно записать нельзя никакую из единиц языка, их нельзя видеть, трогать, осязать, – любая из них есть конструкт науки, а не «портрет реальности», и потому обозначение их – это всегда символ, а не первичный знак. Но все – таки мы привыкли к тому, что сквозь такую символическую запись «видны и слышны» те реальные языковые объекты, которые в ней мыслятся. И только на переходе к так называемому «синтаксическому уровню» этот принцип отказывает. Предложение как единицу языка можно проиллюстрировать и традиционно иллюстрируют примерами, и не одним, а именно открытым множеством разных предложений – примеров, взятых из текстов разных авторов или из головы. Разница между такой иллюстрацией и тем символическим представлением, которого требует лингвистическая единица «как таковая», нам кажется очевидной. Но способ преодолеть это противоречие и представить предложение как знак языка, как эмическую сущность, не совсем очевиден.

Тем не менее сейчас уже можно, по-видимому, сказать, что такой способ найден. Разрешением этой трудности является модельное представление, или иначе – моделирование представлений. Этот путь был предложен Н.Ю.Шведовой в Грамматике–70. С тех пор минуло более 35 лет, но по-настоящему эта идея еще не овладела «массами языковедов»; еще не вполне осознаны ни те выгоды и преимущества, которые может дать этот способ видения синтаксических объектов, ни те новые задачи, которые в связи с этим выдвигаются на повестку дня, ни те представления и понятия, которые требуют уточнения, корректировки, а иногда и пересмотра. Это большая теоретическая задача еще впереди. Пока мы должны решать более актуальные и как будто бы более простые практические задачи – строить научные описания синтаксических систем живых тюркских языков, в том числе и современного уйгурского языка. Но в наши дни было бы просто недопустимо начинать цикл этих работ, оставаясь на старых исходных позициях, тем более что синтаксическое исследование в области тюркских языков в целом весьма существенно отстают от уровня, который достигнут, например, русистикой. Это не удивительно, потому что за последние 40-50 лет в этой области движения почти не было. Но и копировать пути и теоретические положения русистики нам нельзя, потому что синтаксический строй урало-алтайских языков, в том числе уйгурского как типично тюркского очень существенно отличается от русского. Поэтому у нас просто нет иного пути к решению практических задач, нежели через серьезную постановку и решение тех теоретических вопросов, которые ставит и будет ставить наш эмпирический материал.

Работа в этом направлении ведется уже в течение несколько лет в уйгуроведении, конечно, с существенной опорой на работу русистов в том же направлении. С.Н.Абдуллаевым уже выявлены и представлены в символической записи основные модели предложений уйгурского языка^[1]. Но все-таки мы не вышли пока за рамки первичной задачи, которая состоит в получении «инвентарного списка» моделей, представляемых формулами, - первичного, огрубленного списка, который строится с существенной опорой на интуицию и потому потребует в будущем уточнения и коррекции. В эту задачу – минимум входит также небольшой семантический комментарий, - указание синтаксического смысла модели средствами обычного языка.

Хотя эту стадию работы нельзя считать продвинутой, уже сейчас начинает прорисовываться широкий круг теоретических вопросов, решение которых потребуются в ближайшее время в связи с переходом практических работ на следующий этап. В сфере моделирования предложений лингвистическая теория самым прямым образом смыкается с практикой лингвистического описания, с эмпирической работой по подготовке разделов «Синтаксис» для академической грамматики современного уйгурского языка.

В данной работе мы хотели бы очень коротко в плане постановки, остановиться на нескольких вопросах теории модельного описания предложений. С нашей точки зрения, это центральные вопросы, имеющие принципиальное значение для успешного развертывания эмпирических исследований в этой области:

1. Что такое «отдельная модель предложения»? Из каких компонентов она может (должна) состоять? Что в реальном составе фраз остается за рамками моделей предложения?

2. Как можно (нужно) представлять модель, чтобы это представление было наглядным и информативным?

3. Если модель предложения – это особый знак языка, то каждая модель имеет свой план содержания. Что же представляет собой синтаксическая семантика моделей предложения и каким образом ее следует отражать в модельном описании?

4. Как всякий знак естественного языка, модель предложения должна мыслиться как система вариантов, сводимых к общему инварианту. Но как отличить варианты одной модели от двух разных моделей?

5. Как можно и как целесообразно представлять себе парадигму предложения с точки зрения модельного описания?

Теперь остановимся на первом исходном из этих вопросов немного подробнее.

1. **Модель** – это результат интеллектуальной работы исследователя, т.е. сложившееся в его сознании представление о том, как устроен изучаемый им объект языка, в нашем случае – предложение. В этом представлении обобщенно отображаются существенные признаки многих услышанных и прочитанных, проанализированных исследователем высказываний (фраз), но преобразовано отображаются реальные высказывания (фразы) некоторого класса, не только освобождаются от индивидуальной специфики, обусловленной их лексическим наполнением, но и подвергаются упрощению, «очищению» ото всех компонентов, которые не необходимы для того, чтобы описать, обрисовать контур некоторой элементарной типовой ситуации. Например, предложение типа: Йол устидэ харвулар аста манмакта– можно свести к лексико-грамматическому

минимуму: һарвулар, манмакта . В этом качестве оно сближается с другими предложениями типа: Нахша янриди. Булбул сайриди. Бала ойниди и др. «Освободившись» от разнообразия лексического наполнения и этих минимальных форм, мы получим представление об одной структурной модели уйгурского предложения: «существительное (=местоимение) – подлежащее + глагольное сказуемое». Эта структурная модель описывает определенный класс ситуаций: «состояние предмета или лица».

Теперь сравним с рассмотренными предложениями предложения другой модели: Бовай биз чай билэн меһман килди. Силэрни менэ билэн тойгузинэн? Киз мени нахша билэн һэйран калдурди. Здесь описываются такие ситуации, когда субъект 1 каузирует субъект 2 совершить определенное действие или испытать определенное состояние. Очевидно, что предложения этой второй группы нельзя свести к их предикативным узлам и тем самым «приравнять» эту модель к первой: ^x Бовай меһман килди ^x Киз һэйран калдурди. Дополнения кого? И чем? здесь структурно необходимы.

Опыт показывает, что в инвентарных списках, полученных с сильной опорой на интуицию, оказывается по несколько десятков (30-40) моделей. За счет чего же достигается такое мощное ограничение разнообразия? Какие компоненты реальных бесконечно разнообразных фраз естественно отсекаются, какие удерживаются как обязательные?

На этот вопрос нам хотелось бы ответить предельно кратко: в модели удерживаются только предикат и его облигаторные актаны.

В таком контексте необходимо продолжать синтаксические исследования по проблематике простого предложения в уйгурском языке, потому что здесь скрыты большие возможности, реализация которых обогатит не только теорию уйгуроведения, но и найдет большое применение в прикладных областях машинного перевода, компьютеризации делового и канцелярского стиля и других сферах. В наше время под давлением процессов глобализации стандартизованное модельное представление ядерной части системы простых предложений уйгурского языка очень актуально, потому что оно напрямую связано с проблемой сохранения и дальнейшего развития в современных условиях этого национального языка как средства коммуникации.

Литература.

1. Абдуллаев С.Н. Модели простого предложения в современном уйгурском языке. // Предложение в языках Сибири (сборник научных трудов).- Ново-сибирск: Наука, 1989, с.36-47.